

М. Ткачев. МАСТЕР РУКОТВОРНЫХ ЧУДЕС ИЗ КРАЯ СВЕТЛОГО МОРЯ

(Нгуен Зы. Пространные записи рассказов об удивительном. - Ханой, 1983. - С. 226-257)

Судьбы старинных книг, как и творцов их, бывают загадочны и необычайны. Вот уже более четырех столетий живет среди людей книга, которую автор ее - вьетнамец нарек, быть может, длинновато на наш нынешний вкус: "Пространные записи рассказов об удивительном". Написанная на вэньяне, языке общем в ту пору для многих литератур Дальнего Востока, она вскоре была истолкована подробно уже по-вьетнамски, а толкования эти и примечания, записанные вьетнамской письменностью "ном", сделали ее достоянием уже не одних ученых и книголюбив, но и очень многих людей, приобщавшихся к основам словесности.

Однако предисловие к первому, дошедшему до нас печатному тексту книги, сообщая, что издание это предпринято на двадцать четвертом году Лучезарного процветания - под таким девизом царствовал Ле Хиен Тонг (год по нашему исчислению 1763) - и воздавая хвалу государю, о самом авторе книги говорит лишь, что имя его Нгуен Зы, что он сдал столичный экзамен, был назначен правителем уезда, но потом, всего год спустя, вышел в отставку и вернулся восвояси. Не сказано, когда родился Нгуен Зы, в котором году экзаменовался и поступил на службу и долго ль еще прожил, оставив должность.

Но вот перед нами последнее, вышедшее в 1971 году, вьетнамское издание Нгуен Зы. Из предисловия, кроме прежних скурых данных, мы узнаем лишь название родной деревни Нгуен Зы: До-тунг, что в уезде Чыонг-тан, в Хай-зыонге (земле Светлого моря).

Там сказано еще, что знаменитая антология "Собрание стихов державы Виет" относит Нгуен Зы ко временам дома Мак (отнявшего в 1527 г. престол у законной династии Ле и удержавшего его до 1592 г.) и что антология называет Нгуен Зы учеником знаменитого поэта и философа Нгуен Бинь Кхиема (1491 - 1585), экзаменовавшегося и служившего при Маках. А отсюда делается вывод, что, стало быть, и Нгуен Зы сдавал экзамены и служил при тех же Маках и был тесно с их временем связан.

Давайте раскроем "Собрание стихов державы Виет" (предисловие подписано 1788 г.). Трудami его составителя Буй Хюи Битя сохранены для нас многие творения старой вьетнамской поэзии. Включил он в свою книгу и несколько стихотворений, украшающих прозу Нгуен Зы, но об авторе их сообщает также весьма кратко. Однако есть здесь и новые для нас сведения: 1) на экзаменах Нгуен Зы занял третье место; 2) он вышел в отставку, чтоб опекать престарелую мать; 3) вернувшись в деревню, никогда больше не был в городе. И опять ни единой даты!...

Обратимся теперь к "Описанию уложений минувших царствований". Многотомный свод этот полтора столетия назад так восхитил короля, что он пожаловал его автору, Фан Хюи Тю, тридцать лангов (более килограмма) серебра, одеянье тончайшего шелка и три десятка наилучших кистей с тридцатью тушечницами. Но придворный историограф, запечатлевая прежде всего успехи различных лиц на служебном поприще, отдельной биографии Нгуен Зы не дает.

Лишь перечисляя выдающиеся творения словесности, он отметил, что "Пространные записи рассказов об удивительном" сочинены ученым-отшельником Нгуен Зы, сыном тиен ши Тыонг Фиеу. Имя отца Нгуен Зы и упоминание имевшейся у него степени тиен ши, открывавшей путь к служебной карьере, - сведения для нас весьма важные.

И еще, из биографии упоминавшегося уже поэта и вельможи Нгуен Бинь Кхиема мы снова узнаем, что Нгуен Зы был его учеником, с одним лишь дополнением: учитель читал и правил книгу ученика.

А еще в одной старой книге - "Кратких записях постигнутого" (предисловие датировано 1777 г.), принадлежащей кисти историка, поэта и государственного мужа Ле Куй Дона, находим мы жизнеописание Нгуен Зы. Поскольку оно полнее всех прочих и само по себе весьма интересно, приведем его здесь целиком: "Нгуен Зы - уроженец деревни До-тунг... Отец его по имени Тьонг Фиеу удостоился степени тиен ши на испытаньях в год, на котором в месяцеслове сошлись знаки Огня и Дракона (то есть в 1496 г. - М.Т.)... служил Полномочным главою Королевского казначейства. Нгуен Зы с младенческих лет был умен и смекалист, подмечал многое и увиденное запоминал надолго. Преуспев в словесности, он сумел продолжить добрую славу семьи... отличился на окружных испытаньях, а на столичных - многократно достигал третьих степеней. Поставлен был правителем уезда... но, прослужив всего год, под предлогом удаленности от дома отпросился в отставку, дабы, воротясь восвояси, ухаживать за родителями. После, когда узурпатор Мак бесчестно захватил трон королей, он поклялся впредь никогда не поступать на службу, поселившись в деревне, преподавал школярам и ни разу с тех пор не устремлял стопы в город. Из сочинений его имеются... "Пространные записи рассказов об удивительном", смысл их ясен и слог превосходен, люди в то время всячески их превозносили".

Итак, Нгуен Зы "многократно" сдавал столичные экзамены. Но они проводились раз в три года. Значит, он, наверное, долгое время жил в столице, скорее всего в доме отца, важного придворного чиновника. Но что особенно важно - Ле Куи Дон утверждает, будто Нгуен Зы служил и вышел в отставку еще до воцарения Маков. И неожиданное подтверждение этому мы находим в старинном географическом своде "Описание земель великой державы Юга" (XIX в.), где краткие сведения о Нгуен Зы помещены в раздел "Эпоха Ле" (здесь - 1428 - 1527 гг.), а биография Нгуен Бинь Кхиема открывает другой, идущий следом раздел "Эпоха Маков". Причем авторы явно руководствовались сроками служебной карьеры.

Давайте попробуем уточнить эти сведения с помощью появившейся у нас наконец единственной даты - 1496 года, когда отец Нгуен Зы сдал столичный экзамен. О столичных экзаменах (точнее, первый их тур назывался столичным, а второй - дворцовым) есть множество сведений, особенно для интересующего нас времени, когда с 1460 по 1497 год царствовал Ле Тхань Тонг, который экзаменам да и всему вообще просвещению внимание уделял особое. При нем были расширены пределы страны и утвержден высокий ее престиж не только среди малых соседей, но и при дворе правившей в Китае династии Мин. Познав в отрочестве нужду и горечь изгнания, Ле Тхань Тонг стремился (насколько при всем прочем это было возможно) к идеалам "справедливого правления". Он упорядочил законы и налоги, преобразовал государственный аппарат и армию. При нем был впервые сделан "полный чертеж" земли Дайвиет (так назывался тогда Вьетнам), разделенной по-новому на округа и уезды, составлен свод вьетнамской истории.

Выдающийся поэт Ле Тхань Тонг писал стихи и прозу на вэньяне и по-вьетнамски; он возглавлял знаменитое "Собрание двадцати восьми. светил словесности".

Так вот, в 1496 году действительно состоялись столичные экзамены, и в списке отличившихся мы находим Нгуен Тьонг Фиеу, отца Нгуен Зы.

Сколько же лет могло быть Нгуен Тьонг Фиеу тогда, в 1496 году?

Во втором издании "Кратких биографий вьетнамских авторов", вышедших недавно в Ханое, мы для всего времени от конца XI века, когда во Вьетнаме появились экзамены, и до 1547 года (более поздние данные для нас, в общем-то, не важны), находим пять лиц, у которых известны даты рождения и сдачи экзаменов.

Оказывается, девять человек сдали экзамены, будучи моложе двадцати лет, двадцать четыре человека - от двадцати до тридцати лет и двенадцать - старше тридцати лет (из них пятеро - старше сорока).

По двум другим источникам мы находим еще четырех лауреатов: двое экзаменовались моложе двадцати лет, двое других - в двадцать два года. Итак, мы можем предположить, что отцу Нгуен Зы в 1496 году было, скорее всего, от двадцати до тридцати лет.

Женились вьетнамцы в ту пору рано; и, как правило, родители выбирали жен своим сыновьям сами, Человек, отправлявшийся на экзамен в столицу, обычно бывал уже женат. Об этом, кстати, свидетельствуют многие из новелл Ле Тхань Тонга, да и самого Нгуен Зы, вполне достоверные во всем, что касалось обычаев и быта.

Выходит, Тьонг Фиеу в 1496 году почти наверняка был человеком женатым. Дети тогда тоже обзаводились рано. Позднее рождение ребенка даже в летописях, где речь шла о наследниках престола, не говоря уже о рассказах про чудеса (у Нгуен Зы тоже есть два построенных на этом сюжета), связывалось обычно с вмешательством потусторонних сил и, значит, было событием редким и необычным. Правда, тогда люди с достатком имели почти всегда по нескольку жен, а значит, и много детей.

Но если Нгуен Зы успел до 1527 года окончить ученье, сдать экзамены (возможно, еще и не один раз), получить должность, отслужить год, выйти в отставку и вернуться восвояси, то, исходя из простого расчета времени, он должен был быть старшим сыном в семье. Косвенно это подтверждается и тем, что Нгуен Зы вышел в отставку под предлогом заботы о престарелых родителях, что было прежде всего долгом старшего сына.

Кстати, в летописях и других источниках сведения о каком-либо лице почти всегда содержат упоминание имени и чинов его отца. Происхождение играло тогда важную роль в служебной карьере: для допуска к экзаменам, кроме письменного подтверждения личной благонамеренности, выданного местными властями, требовалось еще и свидетельство о том, что в родословной "абитуриента" не было изменников, мятежников и... актеров. Но мы нигде не находим упоминаний о других сыновьях Нгуен Тьонг Фиеу, старших или младших братьев Нгуен Зы.

Стало быть, мы вправе выдвинуть еще одно, третье предположение: Нгуен Зы родился около 1496 года.

Но как же тогда Нгуен Зы мог быть учеником знаменитого. Нгуен Бинь Кхиема? Ведь традиция вроде бы связывает всех его именитых учеников с тем временем, когда Нгуен Бинь Кхием, выйдя в отставку (1543 г.), открыл в своем уезде Винь-лай (в том же Хай-зыонге) школу, куда отовсюду стекались ученики. Для троих из прославившихся впоследствии "выпускников" Нгуен Бинь Кхиема нам известны годы сдачи экзаменов, и, оказывается, двое из них экзаменовались в 1538 году, то есть за пять лет до отставки Нгуен Бинь Кхиема. Значит, он преподавал и до 1538 года! Впрочем, для нас главное в том, что упоминание имени Нгуен Зы среди учеников Нгуен Бинь Кхиема вовсе не означает неопровержимого его ученичества после 1543 года. Да и вообще, в средние века во

Вьетнаме (и не только там) понятия "ученик" и "учитель" отнюдь не значили лишь "школяр" и "преподаватель". Учеником могли называть и последователя знаменитого философа или вероучителя (то есть учителя в высоком смысле этого слова). Здесь отношения строились уже не по школьному принципу и вовсе не предполагалась особая разница в возрасте. Не таковы ль были и отношения между прославленным мыслителем и поэтом, царедворцем, чьи мнения даже после отставки воспринимались обеими враждующими династиями как политические пророчества, - Нгуен Бинь Кхиемом, и почти неприметным в "свете" Нгуен Зы, хотя и он с детства блистал познаниями и талантами и тоже имел своих собственных учеников?

Многие источники утверждают, будто Нгуен Бинь Кхием читал и правил книгу Нгуен Зы. Но нам теперь ясно: отнюдь не неопытный юный школяр вручил тогда престарелому "мэтру" свои рассказы. Они написаны были скорее всего человеком зрелых лет и таланта и отданы им на суд взысканного дарованиями и славой единомышленника. Да и возможно ль, чтоб книга, подобная творению Нгуен Зы, лишь под чужой кистью обрела присущие ей достоинства!

Итак, давайте построим окончательную схему: Нгуен Зы родился около 1496 года; учился, сдавал экзамены, служил и вышел в отставку до 1527 года; жил в деревне, в родительском доме, преподавал, общался с Нгуен Бинь Кхиемом, завершил "Пространные записи рассказов об удивительном" после 1527 года.

Схема эта дает нам новый ключ не только для воссоздания биографии Нгуен Зы, но и для понимания написанной им книги. Ведь если значительная часть его сознательной жизни падает на времена государей Ле, значит, он был очевидцем едва ли не самых мрачных дней вьетнамского средневековья.

В 1504 году умер король Ле Хиен Тонг, которому еще удалось в какой-то мере продолжить политику своего отца, прославленного Ле Тхань Тонга. И не случайно у Нгуен Зы в "Рассказе о беседе стихотворцев в уезде Золотых цветов" оба эти государя упомянуты с высочайшими похвалами. А далее за неполных двадцать три года сменилось семь королей, из которых только один умер своей смертью. Вельможи и военачальники возводили королей на престол, свергали и убивали их - иногда через несколько месяцев или даже считанных дней. Те же, кому удалось править подольше, вроде Ле Уи Мука (1505 - 1509) или Ле Тьонг Зыка (1510 - 1516), запомнились бессмысленной жестокостью, роскошествами, разнузданностью нравов и маниакальным пристрастием к строительству новых дворцов.

Правительство забросило все заботы о поддержании плотин, каналов и дамб, что губительно отразилось на земледелии. В летописях едва ли не ежегодно находим мы сообщения о стихийных бедствиях и голоде. То и дело вспыхивали крестьянские восстания.

Самое мощное, во главе с Чан Као, продолжалось несколько лет (главной базой его была родина Нгуен Зы - Хай-зыонг). Повстанцам удалось захватить столицу, и вождь их, неприметный в прошлом чиновник, был провозглашен королем. Он продолжал величаться государем и позже, будучи оттеснен из столицы объединившимися на время феодалами; затем, передав "титул" сыну, постригся в монахи и скрылся, хотя за его голову и назначили небывалую награду.

Мог ли истинный художник, каким, без сомнения, был Нгуен Зы, живя в это бурное время, дожидаться, пока Мак Данг Зунг отнимет престол у "законной" династии Ле, чтоб потревожить тень другого узурпатора, Хо Куи Ли, захватившего трон в 1400 году, и под видом того давнего

властолюбца вывести "нечестивого Мака"? Неужто, как предполагалось, только к этой лежащей на поверхности аналогии сводится весь обличительный пафос его книги?

Нет, сатирический замысел его серьезней и шире! Раскроем "Рассказ о ночном пире у реки Полноводный проток", где действует Хо Куи Ли (правда, здесь он еще канцлер, но через четырнадцать лет Хо Куи Ли стал королем; и об этом более века спустя не мог не знать читатель Нгуен Зы), и "Рассказ о словопрениях с дровосеком на горе Уединения", где выведен король Хо Хан Тхыонг, при нем отец его, Хо Куи Ли, сохранял всю полноту власти. Хо Куи Ли и Мак Данг Зунг фигуры разные. Первый - для своего времени человек выдающийся, задумал и начал важные преобразования, сорванные китайским нашествием; второй - истинный временщик, цеплявшийся за старое и в политике предпочитавший коварство и грубую силу. Пожалуй, современникам оба они рисовались одинаково мрачно, ибо нарушили долг и верность законному государю - главные устои конфуцианской этики. Но для Нгуен Зы образ Хо Куи Ли имел прежде всего аллегорический смысл.

Читая оба рассказа, мы видим, что не все обвинения, обращенные, как предполагалось, к Макам, могут быть им (или только им) предъявлены.

Вот что у Нгуен Зы отшельник-дровосек говорит о короле: "Он лжив, коварен и любострастен. Не он ли понуждает народ из последних сил возводить Дворец Золотой вазы и опорожняет до дна казну, пролагая Пестропрекрасную улицу? Не он ли разбрасывает парчу и камку, швыряет жемчуга и камня? Золото для него - что сорные травы, а деньги - как грязь... Справедливые кары, темница и казни - все отменяется за мзду, а должности и знания достаются денежным людям!... Награждают льстецов и секут головы тем, кто возвысил голос за правду".

Но Маки не возводили пышных дворцов, строилось самое необходимое.

А теперь - слово другому человеку (он тоже говорит о короле): "Возводил столько строений, что... в горах не хватало леса утолить его алчность... требовал столько соуса и соли, что в море не стало живности - насытить голодную пасть". Не правда ли, похоже?

"Вельможи с чинами, - продолжал дровосек, - следуют слепо владыке в большом и в малом... Все без изъятия если не корыстолюбцы - то горькие пьяницы, не бездельники и гуляки - то уж наверняка кознодеи, алчущие власти... И нет никого, кто бы затеял... большое дело на благо народа".

Прислушаемся к еще одному голосу, бранящему короля: "Дал волю льстецам... отдалился от честных людей, вынудил прямодушных бежать и таиться. Звания и чины исчерпаны, а они все алчут наград. Поборами и податями изъял все до гуследного волоска, бросаясь добром, словно прахом и грязью. С приближенными обходился, как с псами и клячами, а на простых людей глядел как на сорные травы". Снова похоже, не так ли?

Откроем секрет: диалог этот с вымышленным персонажем Нгуен Зы вели реальные лица, царедворцы Нгуен Зык и Лыонг Дак Банг, и обличали они Ле Уи Мука!

Лис-оборотень в рассказе Нгуен Зы, понося Хо Куи Ли, говорит о восстаниях, мятежах и казнях бунтовщиков. Но восстания и казни приходятся в основном на первую четверть XVI столетия, когда правили Ле, а не Маки. И не о скрывшемся ли от державного гнева "злodee" Чан Као говорит Лис, упоминая "притаившегося в тиши" вождя другого, давнего восстания - Нгуен Бо. Тем более, что ко

времени действия рассказа Нгуен Бо уже семь лет как был мертв, и ошибка эта, чуть ли не единственная у обычно точного в хронологии Нгуен Зы, могла быть сознательным и ясным для современников приемом.

Значит, не только Маки и их царствование стали предметом обличения св стороны Нгуен Зы, он мыслил категориями своего времени, не дробя его на династийные и иные разряды. И выведенные им короли династии Хо - это не просто аллегорические изображения конкретных лиц, но обобщенные образы "дурных правителей". Создание их знаменовало новый шаг в развитии вьетнамской прозы.

Заметим в скобках, что Нгуен Зы прибегал и к прямой литературной трансформации фактов, заведомо известных читателям.

Один из персонажей его "Рассказа о беседе стихотворцев в уезде Золотых цветов" - знаменитый поэт и сановник Шай Тхуан. Но коль скоро Нгуен Зы писал о его книге, он не мог не знать, что собрали ее после смерти поэта его сын Шай Кхак и ученик До Тинь Мо (написавший к ней предисловие). Оба они были современниками Нгуен Зы. Но писатель вывел в качестве собирателя книги вымышленное лицо - школяра Мао Ты Биена, ибо это давало больший простор для авторского замысла.

Исторические факты прежде всего были для Нгуен Зы основой для выражения своей, личной оценки людей и событий - оценки нелицеприятной и строгой. И книга его по остроте социального звучания выделяется среди литературы того времени.

Нгуен Бинь Кхием обращался к временщикам с пророческим предостережением; вспомним его строки:

"Тела ваши, брошенные подле дворцов и на торжищах, будут терзать коршуны и воронье!"

Нгуен Зы облакал свое осуждение и гнев в традиционную, но в чем-то и более конкретную форму законного судебного приговора: нагляднейший пример этому - "Рассказ о военачальнике Ли".

Как же, наверно, мечтал Нгуен Зы о торжестве справедливости в этой, земной жизни, если пять из двадцати его рассказов содержат сцены судилищ - пускай на небесах, в подземном или подводном царстве, но карающих за преступленья, содеянные живыми среди живых!

Он был человеком своей эпохи, воспитанным в духе конфуцианской этики, основанной на строгой регламентации человеческих отношений, где главным было подчинение и покорность (детей - родителям, младших братьев - старшему, подданных - государю), соблюдение добродетели и целомудрия. А полученное им традиционное образование строилось на почитании "небесной мудрости", благоговении перед заветами Конфуция, канонической ученостью и знанием, долженствующими составить основы "справедливого правления". Но слишком уж часто в окружавшей его жизни установления эти нарушались и предавались забвению, что и явилось, должно быть одной из причин трагического разлада между писателем и современной ему действительностью.

Нгуен Зы - к чести его будь сказано - и не пытался соразмерять свои нравственные идеалы с относительно большими или меньшими достоинствами земных владык. Однажды уйдя со службы, он не помышлял о возвращении, хотя в то смутное время многие покидали должности и возвращались со сменой правителей, а иные служили всем.

У Нгуен Бинь Кхиема есть весьма символические стихи:

Все ловки вокруг, неловок лишь я один,

Но знает ли кто, что неловкость моя - добронравие?

Строки эти с не меньшим, а может быть, даже и с большим основанием, чем к автору, могут быть отнесены к Нгуен Зы. Его добронравие поистине обернулось "неловкостью" - отрешением от многих земных благ.

Тогда как Нгуен Бинь Кхием, осудив временщиков и короля и уйдя от столичной суеты, отнюдь не сделался анахоретом. В своей деревне Чунгам (в Хай-зыонге) он построил дом, который скорее в силу традиции именовался "кельей" ("Кельей Белых туч"), навел мосты и соорудил павильоны для удобства дальних прогулок. Любуясь красивыми видами, он гулял, опираясь на посох, или же с настоятелем тамошней пагоды плавал по морю в лодке, слагая стихи (вспомним, что точно так же "отшельничал" и Ты Тхык в рассказе Нгуен Зы). Иногда он отправлялся в гости к бонзе. Он принимал послов обеих враждовавших династий - Маков, захвативших столицу, и Ле, обосновавшихся на юге, в Тхань-хоа. Маки слали ему золото, драгоценности и шелка, и он, утверждая в стихах, что богатые эти дары ему не нужны, ни разу не вернул их обратно. Изредка Нгуен Бинь Кхием навещался в столицу, а случалось, и Маки навещали его в Хай-зыонге. Ученики же его служили при обоих дворах.

Разумеется, это никак не обесценивает творчества Нгуен Бинь Кхиема, но "неловкость" Нгуен Зы была более цельной и безыскусной.

Талант стал по тем временам свойством весьма опасным. Сколько литераторов (меж ними и мастеров из "Собрания двадцати восьми светил словесности") были убиты или покончили с собой после дворцовых переворотов! Вспомним судьбу знаменитого зодчего Ву Ньи То. Он построил королю Ле Тьонг Зыку Великий дворец ста покоев с прекрасной башней и озером, в которое заплывали лодки, и начал возводить еще более величественный Чертог Девятого неба. Но Ле Тьонг Зык, ввергший страну в нищету, был убит заговорщиками, которые зарезали и королевского архитектора, бросив тело у городских ворот. И прохожие плевали на труп Ву Ньи То, видя в трагически погибшем художнике виновника своих бедствий...

Удивительно, как на материале иного, отдаленного времени Нгуей Зы сумел передать сумеречный драматический колорит своей эпохи. Наверное, оттого, что и в прошлом Нгуен Зы всегда выбирал события, созвучные напряженным и трудным дням, в которые жил он сам. Мы не найдем у него описаний сражений и войн, его интересовало иное - "человеческие" последствия событий. Вообще, обострение интереса к человеческой личности и своеобразию ее черт заметны не только во вьетнамской литературе того времени, но и в изобразительном искусстве. Вспомним скульптуры эпохи Маков, где традиционные канонические образы уступают место образам, построенным на знании натуры и художественном обобщении.

Главная особенность изобразительной манеры Нгуен Зы - ее эмоциональность. И даже когда чувства героев расходятся с установлениями добродетели, за которую ратует автор, художественная правда далеко не всегда на стороне последней. Лиризм и поэтичность рассказов

Нгуен Зы заставляют нас вспомнить новеллы его знаменитого предшественника Ле Тхань Тонга, хотя, пожалуй, в рассказах Нгуен Зы меньше патетики, они проще и "приземленнее" по стилю. Прозу Ле Тхань Тонга и Нгуен Зы сближает еще и сходство в подаче "чудесного", волшебного элемента. Если в первом из дошедших до нас произведений средневековой вьетнамской прозы - книге Ли Те Сюйена "Собрание чудес и таинств земли Виет" (предисловие датировано 1329 г.) задачей автора и было, собственно, описание чудесных событий, лишь соотнесенных с определенным историческим фоном и долженствующим запечатлеться в памяти потомков, а вторая - "Дивные повествования земли Линь-нам" Ву Куиня и Киеу Фу (послесловие датировано 1493 г.) построена в основном на записях древних преданий, где чудеса - неперемный, а иногда и главный элемент сюжета, хотя подвергшегося уже известной трансформации, то в сочинениях Ле Тхань Тонга чудо становится как бы элементом повествования, задуманного самим автором, который определяет место и роль "чуда" в развитии действия. Причем сам Ле Тхань Тонг с поистине королевской непринужденностью собственной персоной появляется на страницах своих новелл.

Конечно же, непосредственное участие в чудесном "действии" самого государя, жизнь и деяния которого фиксировались летописцами и вообще протекали как бы "на виду" у "просвещенных мужей" - ученых-литераторов, вельмож и чиновников, читателей его книги, не могло не способствовать восприятию этих заведомо неслучавшихся чудес как литературного приема, свидетельства красоты и изощренности авторского замысла. Не случайно Ле Тхань Тонг в своем предисловии называл людей, придиравшихся к недостоверности чудес, тугодумами, "сидящими на дне колодца и неспособными рассуждать всерьез о том, что случается в бескрайней небесной шире".

Подобную идею чуда мы видим и в рассказах Нгуен Зы, где духи и небожители существуют как бы в одном измерении с людьми, действуют в соответствие с "человеческими" обычаями и правилами и зачастую, уйдя в иной, потусторонний мир, сохраняют свои земные привязанности. Надо помнить, что граница между представлениями о чудесном и реальном в те времена проходила совсем не там, где нынче. И мы не удивляемся, читая в летописи под 1514 годом (Нгуен Зы, возможно, еще находился тогда в столице) о том, как весной поднялась вода в столичных озерах и реках, их заполнили огромные змеи, и государь вывел на берега войско с распущенными знаменами и велел палить из пушек и бить в барабаны, дабы изгнать чудовищ...

Нет сомненья, что Нгуен Зы, работая над книгой, обращался к народному творчеству. Он слушал рассказчиков, неистощимых на чудесные выдумки, смотрел выступления бродячих лицедеев и кукольников. Да и за "высокими чудесами" ему незачем было, как говорится, ходить далеко. Рядом, в том же уезде, стояла знаменитая пагода Куанг-минь, бонза которой перевоплотился якобы ни больше ни меньше как в китайского императора. А в храме деревни Ха-би поклонялись торговцу моллюсками, который, проглотив волосинку чудесного буйвола, сделался богатырем и обрел способность сколько угодно пребывать под водой, - во время войны он просверливал днища вражеских кораблей!"

И еще по вечерам у деревенских общинных домов можно было послушать неторопливые разговоры пахарей, охотников, рыбаков, ведавших тайны земли, лесных чащ и водных пучин. Или на знаменитых торжищах полюбоваться разными диковинами. Славился уезд Выонг-тан отменными плодами хлебного дерева и арбузами; вкусными моллюсками и соусом из креветок. Здесь разводили шелковичных червей, плели из лиан корзины и коробы, готовили благовония. В уезде жили искусные кузнецы и плотники. Уроженец его поэт и ученый Лыонг Нь Хок (XV в.), съездив

послом в Китай, постиг там книжное дело и гравировку печатных досок и обучил ему односельчан. С тех пор в Хонг-лиеу печатались книги, расхвалившиеся по всей стране... Через Хай-зыонг проходила большая дорога из королевской столицы, в реки входили торговые корабли...

Поистине Нгуен Зы мог сказать о себе словами, своего героя, дровосека-отшельника, что хоть и не бывал он в городах и не расхаживал по дворцам и палатам, но труды народа и дела государей ведомы ему наперечет. Знание это сочеталось у него с поэтическим видением мира. Яркость и сила поэтического начала - еще одна сходная черта книг Ле Тхань Тонга и Нгуен Зы. Мы имеем в виду сходство творческой манеры обоих, а не украшающие их прозу стихи, хотя стихотворения Нгуен Зы безупречностью формы, напевностью и проникновенной взволнованностью во многом близки поэзии Ле Тхань Тонга. Достижения вьетнамской поэзии того времени не могли не повлиять на развитие прозы. Утверждение вьетнамского языка как языка национальной поэзии обогатило ее изобразительные средства, вдохнуло новую жизненную силу в традиционные формы. И это сказалось на художественном качестве прозы, хотя и писалась она на вьетнамском; тем более что рядом с нею появилась - у того же Ле Тхань Тонга - проза, написанная по-вьетнамски.

Бесспорно, в новеллах Нгуен Зы заметно известное сходство со средневековой китайской новеллой. Но оно отнюдь не сводится к простым заимствованиям сюжетов и образов. Возьмем "Рассказ о девице по имени Туи Тиеу", один из лучших в книге Нгуен Зы. Есть в героине его черты, напоминающие гетер из танских новелл (красота, одаренность, верность в любви). Но в чем-то сходна она и с женскими образами из новелл Ле Тхань Тонга. В финале рассказа возлюбленный Туи Тиеу, поэт Зы Нюан Ти, сдал экзамены и, очевидно, сделался важным чиновником. Но во вьетнамской истории (ее превосходно знал Нгуен Зы) известны случаи, когда певицы становились государынями, а придворные похищали актрис у их мужей. Нюан.Ти некоторыми своими чертами напоминает прославленного китайского поэта Лю Юна, певца простонародья, которого сам император якобы назвал "вельможей в холщовой одежде". Подобно Лю Юну, он пишет песни для певиц и широко известен в столице. Как и Лю Юн, он лишь в преклонные годы сдает экзамен и страдает от коварства вельможи. И чувство Нюан Ти и Туи Тиеу так же возвышенно как любовь Лю Юна к певице, прозванной Листком астры. Все это так, но у Нгуен Зы мог быть и другой прототип для Нюан Ти - его современник, вьетнамский поэт Ле Дык Мао, который тоже претерпел немало из-за своих язвительных виршей, писал превосходные песни и лишь сорока двух лет от роду (в 1504 г.) сдал экзамены. При желании можно найти и некую схожесть между старым слугой Нюан Ти и "куньлуньским рабом", который в танских новеллах помогает соединению влюбленных (он кстати, упоминается в этом рассказе Нгуен Зы). Но вьетнамский слуга прибегает не к магической, а чисто земной силе и вообще напоминает слугу из народного театрального представления "тео", во времена Нгуен Зы уже существовавшего.

Известное влияние китайских сюжетов можно проследить и в "Рассказе о девице из уезда Южного благоденствия". Но вспомним, автор мог вовсе и не обращаться к иноземным книгам: у Ле Тхань Тонга есть два стихотворения, в которых поэт, специально приехавший на Желтую реку, скорбит о печальной судьбе "урожденной Ву", то есть героини рассказа Нгуен Зы. С творчеством Ле Тхань Тонга и других средневековых вьетнамских авторов связана и "география" книги Нгуен Зы, помещающего, как правило, действие своих рассказов в места, красота или давняя слава которых воспеты были его предшественниками и, стало быть, "узнаваемы" для читателя...

Думается, образцы, которые выбирал Нгуен Зы для своей книги из обширного наследия китайской новеллистики, надо искать прежде всего среди сочинений авторов, близких к нему во времени, и,

может быть, в первую очередь - писателя минской эпохи Цюй Ю; чьи новые рассказы "У догорающей лампы" относятся к 1378 году.

Влияние китайской поэзии и прозы на старую вьетнамскую литературу было весьма ощутимым, и приобщение к сокровищнице древней культуры Китая сказалось на формировании вьетнамской культуры в целом и на вьетнамской словесности, Но в этом вопросе, требующем специального исследования, есть опасная крайность; в нее впадали некоторые зарубежные ориенталисты, объявлявшие Вьетнам "духовной провинцией" Китая.

Сами вьетнамцы еще в средние века прекрасно видели различие между разумным восприятием лучших образцов китайской словесности и бездумным слепым заучиванием чужих книг (кстати, ему способствовало каноническое конфуцианское образование). Вспомним хотя бы того же Хо Куи Ли, одного из образованнейших людей своего времени, который, - это было в 1402 году, - разбирая доклад вельможи, обожавшего цветистые ссылки на китайских авторов, заметил: "Тех, кто, едва изучив словесность, только и норовит упомянуть деянья времен Хань или Тан, верно прозвали "глухонемыми болтунами", и они лишь сами на себя навлекают насмешки". А почти через сто лет известный ученый и литератор Хоанг Дык Льюнг, составляя свой "Свод превосходных извлечений", скорбел: "Ах, отчего в стране, где творенья словесности и искусства создаются вот уж которое столетие, нет ни одного собрания лучших своих творений, и, обучаясь стихосложению, надо отыскивать образцы где-то вдали, среди сочинений эпохи Тан..."

Почтенный Хоанг Дык Льюнг считал, будто книги гибнут оттого, что ими особенно не дорожат: всякий, мол, оценит вкус изысканных яств или к асот расоту парчи, но не каждому дано почувствовать прелесть поэзии. Он считал, будто творенья поэтов теряются, а антологии не составляются и не переписываются, поскольку просвещенным мужам недосуг заниматься ими из-за служебных занятий.

Среди "превосходных извлечений", собранных Хоанг Дык Льюнгом, нам не найти, конечно, таких по-своему примечательных строк: "Каждый клочок бумаги - пусть даже с половиной иероглифа, каменные плиты с надписями, воздвигнутые в этой стране, - все, едва увидите, изничтожайте в прах". А они могли бы многое объяснить о гибели книг, потому что "эта страна" - Вьетнам, сама же цитата взята из указа минского императора Чэнцзу, который в 1407 году двинул на Вьетнам свои войска, заботясь якобы о восстановлении законности и порядка. Двенадцать лет спустя император новым указом велел вывезти из Вьетнама в Китай самые ценные книги, хроники и документы. В перечне их рядом с летописями и трактатами по военному искусству - книги стихов и прозаический сборник Ли Те Сюэна "Собрание чудес и таинств земли Виет"...

Вьетнамцы, сражаясь с завоевателями, отстаивали не только родную землю и будущее своих детей, но и свою духовную самобытность, творения своей литературы и искусства, которыми они по праву гордились.

Эту гордость ощущаем мы, читая "Рассказ о беседе стихотворцев в уезде Золотых цветов" Ньен Зы, где он высоко оценивает поэтические сочинения своих соотечественников, воздавая прежде всего дань уважения великому поэту и правдолюбцу Нгуен Чаю и Ле Тхань Тонгу.

Все, за исключением одного, рассказы Нгуен Зы завершаются нравоучениями, в китайской новеллистике довольно-таки часто отсутствующими. Прием этот, заимствованный, вероятно, из исторических сочинений, мы находим в новеллах Ле Тхань Тонга, где некий Муж с Южных гор в большинстве случаев кратко резюмирует содержание текста с позиций конфуцианской морали.

Нравоучения там как бы продолжают непосредственно авторский замысел, и у нас есть основания предположить, что под псевдонимом скрывается сам король. Но сопоставим нравоучения в книге Нгуен Зы с рассказами, и станут заметны явные несоответствия. Возьмем "Рассказ о словопрениях с дровосеком на горе Уединенья". Главное в нем - спор между отшельником-дровосеком и придворным, убеждающим его пойти на службу. Однако тот отказывается служить недостойному государю. Симпатии автора вроде бы целиком на стороне дровосека. И вдруг мы читаем в нравоучении, что сам дровосек - человек отнюдь не совершенный; и вообще даже разумным и справедливым государям не следует иметь с отшельниками никакого дела! В "Рассказе о девице по имени Туи Тиеу" автор с большой взволнованностью описывает злоключения Туи Тиеу и ее возлюбленного, поэта Зы Нюан Ти, приводя их в конце концов к счастливому соединенью; явно к ним благорасположенный, он показывает красоту и возвышенность их чувства, говорит о Нюан Ти как о талантливом поэте, преуспевшем на столичных экзаменах. Но нравоучение гласит: "Туи Тиеу - падшая женщина, недостойная любви, а Нюан Ти - человек темный и недалекий! И подобных противоречий много. Нравоучения проникнуты духом конфуцианской нетерпимости, который в гораздо меньшей степени присущ самим рассказам.

Невольно приходит мысль, что нравоучения написаны не для того, чтобы окончательно прояснить авторский замысел, а скорее с целью подать его в наиболее выгодном с конфуцианской точки зрения свете. Но для чего? В нравоучении к "Рассказу о прогулке Фам Ты Хы среди Звездных палат" есть весьма многозначительные слова о том, что если сочинение соответствует установлениям и законам (конфуцианским установлениям и законам!), "то, разумеется, никакого не будет вреда переписать его или пересказать другим". Иными словами, книге суждена была долгая жизнь лишь в одном определенном случае, иначе ей грозило забвение. Возможно, тогда "догматические" нравоучения должны были спасти книгу Нгуен Зы? Кто же пытался сделать это - сам автор? Наверяд ли... Он не любил славы и не умел ее добиваться. Может быть, друзья или почитатели его таланта хотели уберечь рассказы от гибели? Или нравоучения вышли из-под кисти твердолобого переписчика? Быть может, новые поиски ответят на эти вопросы...

Когда-то, давным-давно Ле Тхань Тонг сказал о писателе: "Бумага - его пашня, кисть - плуг". Нгуен Зы вспахал щедрую пашню и бросил в нее свое доброе семя, плодами которого наслаждаемся и мы, его отдаленные потомки.

Мариан Ткачев.